

ЧЕБУРАШКА

Владимир Ильич Кузин родился в 1964 году во Владимире Владимирской области. Окончил авиамеханический техникум и 4 курса Ивановского государственного университета (филологический факультет). Работает в охране. Публиковался в журналах «Дон», «Грани эпохи», «Нижний Новгород», газете «День литературы» и др. Живёт во Владимире.

— Командир, тут баба поранена лежить!

— У свідомості?

— Неа, у відключці.

Капитан подошёл и ударил женщину по щеке.

— Ти подивися, — сержант улыбнулся, — прочумалася.

— Зв'яжи її, щоб не брикалася.

— Зрозумів, — сержант осмотрелся и взял с вешалки ремень. Подошёл к раненой, перевернул её лицом в пол и скрутил ей руки за спиной.

— Сашко! — капитан крикнул в сторону входной двери.

В блиндаж вбежал лейтенант.

— Доглянь за дівкою, — капитан кивнул на раненую, — перев'яжи її і зроби укол знеболюючого. А то здохне завчасно, — посмотрел на лейтенанта. — Усёк?

Тот кивнул:

— Перевязать и обезболить.

— А главное?

— М-м... — тот замялся. — Стеречь.

— Вот именно. Государственный язык нужно знать как «Отче наш...»

— Михайло, — капитан обратился к солдату, стоявшему у двери. — Зв'яжися по рації з Гринєю-Хірургом. Треба, щоб його хлопці її забрали. У неї напевно важлива інформація є, а Гриня її говорить измусить. Тільки нехай вони поспішать. Повідомім координати.

Тот кивнул.

Повернулся к сержанту:

— Ті двоє куди побігли?

— В березняк, — ответил тот, — у напрямку Горлівки.

— Скажи бійцям, щоб все за ними, — и все трое выбежали из блиндажа.

Лейтенант подошёл к раненой, обхватил её и посадил на пол спиной к стене. Затем расстегнул ей куртку и оголил плечо. Вынул из своей походной аптечки шприц и вколол его женщине. После чего наложил на рану пластырь и принялся её забинтовывать.

Она слегка приподняла голову и поморщилась.

— Терпи, — сказал лейтенант. — Хорошо ещё, навьлет прошла.

Раненая некоторое время смотрела на него сквозь упавшие на лицо волосы... Затем усмехнулась:

— Вот, значит, как... А я всё думаю, откуда козлятиной прёт?

— В каком смысле? — лейтенант повернулся к ней спиной и стал укладывать бинт и ампулы в аптечку.

— В прямом. Видать, у тебя на морде Милкины сопли ещё не обсохли...

Он застыл... потом резко обернулся.

— А синяк-то на заднице прошёл? — женщина улыбнулась.

Лейтенант поднял её волосы с лица.

— Ольга? — он отпрянул. — Это ты?

— А ты, Чебурашка, слепой?

Он сел на табуретку. С минуту оба молчали. Вдалеке слышались раскаты артиллерийских ударов. Да время от времени треск пулемётных очередей...

— Чебурашка, — он усмехнулся. — Ты ещё помнишь моё прозвище.

— Я всё помню, Саша... Я, когда впервые увидела твоё круглое лицо и слегка оттопыренные уши, так сразу тебя и назвала — Чебурашка. Думала, ты обидишься, а ты ничего...

— Это на Светкиной даче, что ли?

— Ага. Помнишь, она нас пригласила к себе на свой день рождения... ну, там шампанское, шашлык и прочее... Да и вообще пожить у неё недельку...

— Да, время тогда мы провели весело.

Оба засмеялись.

— Слушай, а с чего Милка на тебя тогда наехала?

— Сам не могу понять, — он пожал плечами. — Светка попросила нас с Мариком яблоню во дворе посадить. Я подошёл к сараю, нагнулся за лопатой...

И вдруг эта коза меня бац рогами под зад. Потом своей мордой в мою щёку ткнулась. Я думал, она мне сейчас ухо откусит.

— Да уж, заорал ты во всё горло. Вскочил, бросился наутёк, а она за тобой... Еле потом со Светкой её оттащили...

— Меня после этого ребята в группе подкалывали. Ну как, спрашивали, первый поцелуй?.. Да ты ещё... Пристала тогда ко мне — снимай да снимай брюки, нужно рану обработать.

— Я переживала... А ты краснел, как малолетка...

— Я тебя в первый раз видел...

— Зато какой классный был вечер. Малиновый закат, тишина... А помнишь, как мы плавали с тобой в озере наперегонки?

— Я ещё удивлялся, почему ты всё время выигрываешь!

— Дорогуша, я с третьего класса в бассейне тренировалась...

— Мы с тобой каждое утро в лес ходили...

— Какой там был воздух! И туманы... туманы...

— А как ты ложных опят набрала, помнишь? Хорошо, я в грибах разбираюсь.

— Ты мне тогда такой щелбан по лбу отвесил, что у меня неделю синяк не проходил.

— Так дело-то было серьёзное, могла сама отравиться и других отравить.

— Слушай, а помнишь нашего Кроху?

— Бельчонка?

— Да, на сосне в дупле жил. Мы ему с тобой семечки и орешки оставляли...

— Он почти каждое утро нас встречал.

— Однажды у меня даже из руки кусочек хлеба взял...

— Помню... Ты тогда от восторга даже взвизгнула...

— А место наше не забыл?

— У косой берёзы?

Она кивнула.

— Однажды мы с тобой сидели там на берегу и смотрели на уплывающие вдаль облака... О чём-то без умолку болтали... Я поёжилась, и ты снял с себя ветровку и накинул её мне на плечи. А потом впервые меня чмокнул в щёку.

— Верить, я тогда дрожал как осиновый лист.

— Да я сразу поняла, что ты был нецелованный.

— Зато ты меня так к себе прижала... Я аж обалдел...

— Во сколько же мы с тобой вернулись?

— Где-то полшестого, уже светало... Светка с Мариком почти не спали, волновались за нас. Отругали...

— После мы каждое лето туда ездили, — она вздохнула. — Хорошая у нас была компашка. ВГИКовцы. Я со Светкой с актёрского, ты с режиссёрского, Марк — будущий сценарист. Все увлечённые, с горячими сердцами.

— А планы какие были... Ты, помнится, грезила Достоевским. Мечтала о роли Сони Мармеладовой. Удивлялась, как в этом

персонаже одновременно уживаются и страдание, и жалость; и обида, и прощение. Кстати, Надежда Степановна, педагог по актёрскому мастерству, тебя хвалила. Говорила, что у тебя большое будущее. Да и ребята на твои этюды толпами ломались.

— А ты был увлечён Тарковским. Всё таскал меня на его фильмы и пытался мне рассказать о его методе создания на экране сновидений и грёз... Восхищался, с какой силой его образы проникают в сердце. Например, наклоняющийся на фоне солнца могильный крест.

— Это из «Иванова детства»... Мы с Мариком хотели создать нечто подобное, даже сценарий написали...

— Интересно, где сейчас наш многообещающий драматург?

— Марик? В Израиле. Что-то там пытается опубликовать. Пишет, что ни фига его замыслы никому не нужны... А твоя подруга? Со своим ангельским голосом.

— Светка поёт в ночном баре. В Норвегии...

— Ясно. Свою любимую Клеопатру так и не заполучила...

— Да какой там... У неё муж на пособии и дочь. Только о бабках и мысли...

— Опять кровь пошла. Нука...

Он подсел к раненой и наложил на повязку дополнительный слой бинта.

Некоторое время оба сидели молча.

— Ты куда после ВГИКа пропал? Говорил, что уедешь ненадолго, а сам... Я тебя ждала...

— Мне предложили снимать рекламу в одной частной киностудии. В Киеве. Посулили приличные деньги. Тогда время было тяжёлое, я готов был за любые съёмки взяться. Думал, сначала встану на ноги, а уже после продолжу, как говорил, дело Тарковского. Обязательно буду снимать тебя... Но потом затянуло, ничего другого в перспективе не оказалось... А дальше случился Майдан. Я начал снимать ролики про него... закрутилось, завертелось. Подружился с боевыми хлопцами... Ну, а ты что?

— Я потыкалась туда-сюда, снялась в эпизодах у нескольких режиссёров, но чего-то серьёзного так и не случилось. Всё какую-то пошлятину предлагали. Плюнула на всё и уехала в свой родной Донецк, работала в Музыкально-драматическом театре. А когда случился четырнадцатый год, поняла, что сейчас не до сцены. Окончила курсы связистов и теперь занимаюсь отнюдь не актёрством...

Он встал и заходил из угла в угол. Взял со стола чайник, отхлебнул из него, поставил на место.

— Служишь террористам? — резко к ней подсел. — Ты хоть раз видела, как их ракеты и бомбы убивают наших ребят в окопах?

— А ты хоть раз за восемь лет задумался о том, что ваши

снаряды превращали Донбасс в развалины? Когда ты жрал в ресторанах и кувыркался с бабами в постели, ты думал о том, что в этот самый миг эти ваши залпы отрывают ручки и ножки нашим детишкам? Ты знаешь об Аллее Ангелов в Донецке? Это полторы сотни детских могил! У тебя не мелькала мысль, что именно об этом нужно было снимать кино. Если бы люди вовремя узнали правду, может, всё бы сложилось иначе...

— Мы били по городу, захваченному сепаратистами. Это территория Украины; и только Украина вправе решать, что на её земле делать.

— Это в первую очередь земля дончан. Здесь наши дома и могилы наших предков. И на каком языке общаться и какие отмечать праздники, решать должны мы. А не те, кто засел в Киеве. Это не мы к вам пришли, чтобы вам своё навязать. А наоборот, вы к нам. С пушками и танками. Если в семье одного из супругов что-то не устраивает, то всё должно решаться кулаками? Целовать или нет портреты Бандеры? Говорить ли на языке Достоевского и Чехова?

— Ну, Бандера мне до лампочки. Я защищаю свою землю от таких сепаров, как ты, которые хотят оттяпать от неё кусок. И меня в этом не переубедить. Я здесь родился, и это моя Родина.

— Насколько я помню, ты коренной киевлянин. А вот я родилась на Донбассе. И защищаю

именно свою Родину. И меня в этом тоже не переубедить.

Он наклонился к её лицу.

— А для москалей это тоже Родина? Или как?

И глаза его блеснули.

— А какой кровный брат не защитит свою сестру от издевательств её бешеного супруга? Или как?

И её глаза блеснули в ответ.

— И что тебе твой брат даст? — он кивнул на восток. — Идеологию «совка» с её уравниловкой и запретом на собственное мнение? Власть посредственностей, гнобящих неординарные личности и таланты? Как в своё время Тарковского.

— А тебе твои кукловоды? — она кивнула в сторону запада. — Идеи волчьей конкуренции как норму отношений? Бесконечного кайфа как смысла жизни? Это для того ты натовскую каску на себя напялил?

— Эти, как ты говоришь, кукловоды несут людям свободу и цивилизацию. И мы желаем стать её частью.

— Частью того, где мужик с мужиком, а баба с бабой? Где ежегодно беснуются, нарядившись в чертей и ведьм? А марихуана становится нормой? Тогда флаг тебе в руки. Вот только я не хочу, чтобы моя Родина превращалась в Содом и Гоморру.

— Фанатичка, — он отошёл в сторону и снова сел на табуретку.

Некоторое время оба молчали.

— Чёрт, — он опустил голову, — до чего же всё-таки не

туда жизнь пошла, до чего же не туда. Андрей Арсеньевич как-то сказал, что человек рождён, чтобы оставить после себя произведения искусства, а не руины после катастрофы... Похоже, что всё пошло по второму варианту, — он вздохнул. — Значит, мы с тобой так и не найдём общего языка.

— Не найдём. Отдай меня Грине, и на этом всё.

— Кому?

— Командир твой сказал же, что сейчас за мной приедут от Грини. Ты что, не в курсе, кто это?

— Я не особо понимаю украинский... Наверное, кто-то из СБУ. Скорее всего, попадёшь в обменный фонд. У вас наших пленных тоже много. Обменяют, и вернёшься в свой Донецк.

— Не угадал, Саша. Гриня-Хирург не СБУшник. А из правосеков. И у нас он хорошо известен. Например, тем, что отрезает сначала пальцы, а потом уши. А у женщин, кроме того... Ну, подробности тебе знать не обязательно. Но в живых он из своих клиентов не оставляет никого. Боятся свидетелей среди наших. И мести...

Он медленно поднялся с табуретки. Несколько мгновений стоял как вкопанный.

— Ты что же молчала? — его голос задрожал. — Почему сразу мне не сказала?

— А что это для тебя меняет? Я ведь сепар.

Он быстро подошёл к ней, схватил её за подмышки и поставил на ноги.

— Идти можешь? Сейчас доведу тебя до оврага, там внизу будет ручей. Пойдёшь прямо по его течению и к рассвету дойдёшь до своих. Давай развяжу...

Она отпрянула и села на пол.

Он наклонился к ней.

— Что не так?

— Ты глупый? А как ты своим объяснишь, что я, раненая и связанная, от тебя убежала? Они вмиг всё поймут. И тогда к Грине уже повезут тебя!..

— Да я... скажу, живот схватило, понос. Отошёл в лес, а после не смог тебя найти, вон заросли какие...

Она усмехнулась.

— Ты себя слышишь? Кто в эту чушь поверит?

— Зато ты уже будешь далеко.

Она посмотрела ему в глаза.

— Ты, видно, тогда у косой берёзы так ничего и не понял, — опустила голову и тихо произнесла:

— Если с тобой из-за меня что-то случится, я себе этого никогда не прощу.

— И что теперь?

— Я должна остаться...

— Только не это...

Он отошёл к столу. Внезапно обернулся.

— А если откупиться? Скажешь нашим, что за тебя хорошо заплатят. Тогда они тебя не тронут.

— У нас сотни детей и стариков в разрушенных домах живут, без хлеба и воды, а я буду на свою шкуру деньги клянить?

Он опять подскочил к ней:

— Да речь не о хлебе, а о твоей жизни! — он тяжело задышал.

Канонада резко усилилась. Пол и стены блиндажа задрожали.

— Русская арта. Сейчас попрут в атаку, — он опять сел на табуретку. — Чёрт, как всё глупо. Прямо тупик какой-то...

— Почему? — тихо проговорила она. — Выход есть.

— Ну... — он с волнением вскинул голову.

Она посмотрела на него странно изменившимся взглядом.

— Расстегни свою кобуру.

— Зачем?

— Это единственное, что ты можешь для меня сделать... Потом застегнёшь на мне куртку, и рану никто не увидит. Да и некогда им разбираться, нужно будет ноги уносить. А ты скажешь, что, мол, кончилась из-за большой потери крови. От этого, — кивнула на простреленное плечо. — Ты понял?

Она посмотрела ему в глаза.

— Спятила? — он вскочил с места. — Нет, ты явно ненормальная!

— Саша, я видела изуродованные трупы, оставленные правоохранителями Грини. Медики сказали, что их мутозили как минимум сутки. Если ты желаешь мне такой участи — ну что ж, так тому и быть.

— И ты предлагаешь это сделать мне? — он дико на неё взглянул.

— А ты желаешь, чтобы это сделал Гриня? Медленно и с расстановками?

Он подскочил к ней и схватился за ремень, которым были связаны её руки, пытаясь развязать узел:

— Сейчас же чтобы духу твоего здесь не было! А я со своими сам разберусь.

Она ударила его головой в грудь. Он отскочил, держась за ушибленное место. Снова кинулся к ней, но она ударом ноги отбросила его к столу. Чайник и кружка с грохотом повалились на пол.

— Я никуда отсюда не уйду! — она тяжело задышала. — Буду зубами тебя грызть, но не дамся!..

— Что ты делаешь? — он закрыл руками лицо. — Что же ты со мной делаешь?

Вдалеке послышался шум мотора. Он вынул из футляра бинокль и выбежал из блиндажа... Через некоторое время вернулся:

— БТР. С красно-чёрными полосками. Где-то в километре отсюда.

— Они.

На её лице выступила испарина.

Он заметался взад-вперёд по блиндажу. Обернулся к ней:

— Умоляю тебя, беги!..

Она замотала головой.

— Тогда встречай гостей, ты сама это выбрала.

— Это и твой выбор тоже.

Он глянул на неё как испуганный младенец.

А она посмотрела на него умоляющим взглядом.

Он внезапно побледнел. Медленно подошёл к ней, вынул из

кобуры пистолет и приставил его к её груди.

— Это неправильно... — устался в пол и забормотал как в бреду. — Вообще всё неправильно. Тебе нужно жить, сниматься. Ты талант.

Она прислонилась спиной к стене.

— У меня в боковом кармане куртки мамин адрес. Черкани ей, когда сможешь. Чтобы больше не ждала. Только без подробностей.

Он заревел.

— Оля, как же так? Ведь ты самый дорогой для меня человек. Мы же с тобой мечтали идти по жизни вместе. Что же мы с тобой натворили?

— Возьми чуть левее...

— Что? — не понял он.

— Дуло немного влево... Вот сюда... Так будет наверняка...

Он продолжал всхлипывать.

— Ну-ну, Чебурашка, смелее. Это нужно нам обоим... И утрись потом...

Его затрясло.

— Не смогу...

— Ого, да ты прямо как тогда, при первом поцелуе...

Он уткнулся в её растрёпанные по плечам волосы.

А она прижалась лбом к его щеке и тихо проговорила:

— Как это было у него в «Сталкере»?

*Понапрасну ни зло,
Ни добро не пропало,
Всё горело светло.
Только этого мало.*

Он подхватил, и они продолжили вместе:

*Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала.
Мне и вправду везло.
Только этого мало.*

Он с силой зажмурился и нажал на курок...

ОТЕЦ МИХАИЛ

Отец Михаил открыл ключом входную дверь, зажёл в прихожей свет и прислушался. Тишина. Видимо, все уже спали.

Он разделся, вошёл в комнату сына и наклонился над ним. Хотел было поцеловать Павлика в щёку, но подумал, что может ненароком его разбудить... Вернулся в прихожую.

Руки его тряслись, лоб pokrылся капельками пота.

«Надо немедленно сообщить в милицию», — он подошёл к телефонной трубке, снял её и приставил к уху... Немного постоял... затем повесил её обратно, прошёл на кухню и сел за стол, на котором были приготовленные супругой его любимая запечённая курица и булочка с какао.

«Откуда только эти двое взялись?.. Не иначе, из Томилинской колонии сиганули, других зон поблизости нет».

Перед глазами отца Михаила вновь возникло лицо рыжего веснушчатого мужика в промокшей арестантской робе, который

смотрел на стоявшего перед ним священника с явным любопытством, прищулив глаза, словно пытаясь уловить его, отца Михаила, мысли; и лохматого, в грязном оборванном пальтишке, — этот сидел прямо на голой земле, прислонившись спиной к сосне, и постоянно надрывисто кашлял и сплёвывал.

Рыжий наставил на отца Михаила двустолку; а лохматый принялся его спрашивать, куда он идёт, далеко ли до посёлка, не видел ли он поблизости милицию... Затем рыжий велел отцу Михаилу вывернуть карманы, а их содержимое бросить к его ногам... Поднял ключи, кошелёк и целлофановый пакетик с двумя просфорами, одну из которых положил себе в рот, а другую отдал лохматому. Тот с жадностью, давясь и чавкая, её разжевал и проглотил.

— Семь рубликов с копейками, — сказал рыжий своему напарнику, положил деньги в карман его пальто, отбросил пустой кошелёк в сторону и снова направил на священника ружьё.

«Конец», — подумал отец Михаил. У него похолодело внутри. И тут же, будто само собой, вырвалось:

— Я тут недалеко живу; могу продукты принести, а ему, — кивнул на лохматого, — лекарства...

Затем он наплёл рыжему про то, что без сухой и тёплой одежды им будет нелегко... а дальше — непонятно зачем — упомянул о своём восьмилетнем сынишке...

Рыжий, казалось, ещё больше прищурился... затем усмехнулся, наклонился к напарнику и начал ему что-то говорить... Отец Михаил с трепетом прислушался к их словам, но разобрать ничего не смог... И вдруг явственно услышал:

— Вряд ли обманет, — рыжий посмотрел на отца Михаила, — чин не позволит...

После они ещё о чём-то пошептались... и, вернув священнику ключи, договорились встретить его с продуктами часа через два у горбатой берёзы, на которую указал ему лохматый...

Отец Михаил шёл по тропинке, постоянно оглядываясь и спотыкаясь. Всё думал, что ему выстрелят в спину... А выйдя из рощи и убедившись, что «хвоста» нет, он со всех ног кинулся к посёлку... И сейчас, сидя на кухне, он никак не мог унять дрожь в руках.

«Никогда не думал, что могу в такое вляпаться, — пронеслось у него в голове. — Больше ни в жизнь через эту проклятую рощу не пойду... Днём, когда шёл на службу, там на деревьях птички пели да солнышко улыбалось, — красота!.. Какой же она оказалась обманчивой! — он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. — Ну, так что, звонить в милицию?»

Отец Михаил поднялся со стула... немного постоял... и принялся ходить взад-вперёд по кухне, от волнения время от времени покусывая на пальцах рук ногти — привычка с детства,

которую он не смог побороть в себе и по сей день.

«Подумать только, я запросто в эту минуту мог лежать с продырявленной башкой под какой-нибудь ёлкой, заваленный травой и ветками... Господи, благодарю Тебя за чудесное спасение; за то, что в самый ответственный момент Ты не дал мне потерять выдержку и разум...» — он перекрестился на распятие, стоявшее в углу на полочке.

Затем отхлебнул из чайника и задумался.

«Здорово я сообразил насчёт продуктов; в самое их больное место попал — они, поди-ка, несколько дней не евши... А этот ляпнул: ему, мол, чин не позволит обмануть... Умник нашёлся! Да такие, как ты, не то что рассуждать о людях — жить среди них не имеют права. Потому что несут им только горе и слёзы... Нет, вас нужно по крайней мере изолировать от общества. И это долг не только государственный, но и христианский — вырывать плевелы на пшеничном поле...»

И отец Михаил опять метнулся к телефону.

«А разве мне решать, кто пшеница, а кто плевелы?.. — он остановился. — А почему бы и нет; ведь для того человеку и дан разум, чтоб различать добро и зло... Постой, но различать в себе; о других же сказано: не суди... Ну, если эту заповедь понимать буквально, то дойдёшь до вонючей толстовщины. Полумный граф не понимал, что

если ликвидировать полицию и суды, власть в обществе захватят убийцы, грабители и насильники, и на Земле наступит хаос...»

И вдруг будто кольнуло: «А вот батюшка Серафим своим истязателям не стал даже сопротивляться; а когда они его изувечили, он их простил... — отец Михаил продолжил хождение по кухне. — Так ведь у него не было семьи, для кого ему нужно было себя беречь?.. А у меня жена, сын. Заботиться о них — тоже мой христианский долг. Вот если бы я был монахом... А что бы тогда? Неужто пошёл бы в лес с провизией? — отец Михаил усмехнулся. — Дурак ты, Ваше благородие. Они бы тебя там, не моргнув и глазом, шлёпнули и принялись бы уминать твои баранки-пряники за обе щёки...»

Он опять отхлебнул из чайника и сел за стол.

«Не бойтесь убивающих тело... — внезапно вспомнил он. — Да как же их не бояться? Страх смерти вложен в каждое живое существо. Когда я прошлой осенью резал поросёнка, он визжал, как чумной... Да, но человек и свинья не одно и то же...»

Он тряхнул головой.

«Ну, хорошо, пусть я испугался... Так ведь за сынишку. Что с ним без меня станет? Ясно, что на одну мамкину зарплату ему в наше время придётся ох как туго, — скажем, надлежащего образования уж точно никак не получить, а значит, и не найти

хорошую работу. А отсюда все прелести жизни... А Бог? Разве Святые Отцы не призывали во всем полагаться на Него? И разве я не читал о тех новомучениках, которые в годы сталинских репрессий шли в лагеря и ссылки, а то и на расстрел, оставляя свои семьи без кормильца?.. И читал, и преклонялся перед ними, и другим в пример ставил... Так значит, дело не только в сыне? Тогда в чём ещё?»

Взгляд отца Михаила упал на приготовленный ужин. Ему показалось, что неслучайно.

«Ну, уж только не в этом...» — он даже отпрянул.

И вдруг отчётливо вспомнил, как в первые дни после свадьбы они с супругой долгими зимними вечерами, лёжа в постели, рисовали в своём воображении голубые, цвета небесной лазури, обои; ослепительно-белый кафель в ванной и покрытые позолотой ручки дверей, оклеенных бледно-розовой плёнкой. Как планировали со временем купить телевизор с жидкокристаллическим монитором (какой однажды видели у знакомых), двухкамерный холодильник... Он вспомнил, как мечтал посадить на садовом участке, помимо всего прочего, лучок и петрушку, чтобы запекать с ними цыплят — как он говорил, с хрустящей корочкой.

«М-м, — постанывал он от удовольствия, — пальчики оближешь... Купим микроволновку и будем делать гриль...»

Отец Михаил встал и прислонился спиной к стене.

«Многое из того уже осуществилось... Холодильник, кафель в ванной и... вот она — печёная курица... — он присмотрелся к ней внимательней. — Точно, с луковыми дольками... — усмехнулся. — Сбылась мечта идиота... А те двое были рады даже крохотным просфорочкам... Худые, измождённые... Глядели на моё толстое пузо и, наверное, всё понимали... Особенно рыжий. Глаза хитрющие, пронизывающие насквозь... Как только я ему о сынишке сказал, он тут же двустволку и опустил. А после пошептался с лохматым и говорит мне: «Ладно, дуй за харчами»... За харчами? Да правда ли? — отец Михаил вздрогнул. — А что если рыжий пожалел моего сына? И убедил своего пахана... или как он там у них зовётся... отпустить меня якобы за провизией? А я тут рассуждаю о своей сообразительности и хладнокровии. Тем более, если уж говорить начистоту, я перед ними почти хныкал! Ведь это нетрудно было тогда понять по моему плаксивому голосу...

Так неужели и впрямь это моя суть? Которая вылезла наружу только под дулом ружья?.. Курица-гриль, ванная с кафелем, ласковая жена в постели... Нет, подожди, желание человека иметь детей — естественно... А контрацептивы? — отец Михаил закрыл лицо ладонями. — Боже праведный!»

Он внезапно вспомнил ощущение приятного томления в груди, когда, пряча в сумку эти аптечные штучки, бежал в магазин за бутылочкой сухого вина, букетом цветов и тортом к чаю.

«Неужто всё это было только ради удовлетворения собственной похоти? Из желания таким образом угодить объекту своего вожделения и сделать ответное чувство ещё более страстным?.. А ведь я никогда не понимал девственников. Тех же Серафима Саровского и Сергия Радонежского... Не понимал или не желал понимать? А может, понимал, но не хотел принять?.. Господи, но тогда ведь я и о здравии супруги молился не только ради неё самой!.. Вот она, истина! — он обхватил голову руками. — Я не Христа искал, а маммону! Не горней радости, а земного рая! А Бога использовал для его приобретения!.. И ладно бы для всего человечества, как Толстой; я опустился ниже его, ибо желал мирского счастья в основном себе! А если хотел его и для своих домочадцев, то это проявление не Духа, а одного из сильнейших природных инстинктов, коими наделена любая живая тварь!»

Отец Михаил вскинул голову.

«Да-да, та самая девочка-таджичка у колхозного рынка. Которая просила подаяние, стоя босяком прямо на голом асфальте, — и это в конце октября!.. Помнится, я небрежно сунул ей в ладошку двухрублёвую монету.

На которую она не могла купить себе даже маленькую булку хлеба!.. Тогда как сыну я почти тут же всучил здоровенный пломбир в шоколаде, который он, раскапризничавшись до истерики, буквально выклянчил у меня. Хотя перед этим смолотил кремовое пирожное!»

Отец Михаил потупил взгляд.

«А девочка мне спасибо сказала... За что, глупышка? Ведь я, когда к тебе подошёл, подика, сам того не осознавая, моментально просчитал, что Павлик — моя обеспеченная старость, а от тебя мне — как от козла молока...»

По его щеке покатила слеза.

«Чему же я учил своих прихожан? Что им проповедовал? Любить Бога, чтобы получать от Него блага жизни? Любить ближних, как самих себя, ради самих же себя? Ценить жизнь, каждый её миг: небо, солнышко, журчание ручейка, пение птиц — только как источник личного наслаждения? Пускай наслаждения тем миром, который дал человеку Господь; но ведь я никогда не упоминал о том, что, ощущая красоту и гармонию сущего, мы должны чем-то Творцу ответить! И не только свечками и поклонами — наше раболепие Ему не нужно, как не нужны родителям поклоны от своих детей. Он хотел иного: нашим ощущением гармонии мира изменить духовную природу человека, его суть, — как же я раньше этого не понял? Чтобы мы стали чище,

добрее, сострадательнее друг к другу; научились воспринимать чужие радость и боль, как свои собственные!.. Не то ли имел в виду Достоевский, сказав, что красота спасёт мир? Красота во всех своих проявлениях: природы, искусства, человеческой души... Но случилось иное: ощутив наслаждение (пусть и не греховное!), человек не только захотел стать единственным обладателем его источника, но и возжелал удовольствий ещё более утончённых! Это как если бы кто-то угостил тебя кусочком торта; а ты, вместо того чтобы почувствовать в душе умиление и благодарность и поделиться с ним чем-то своим, сказал бы ему: «Здорово, тащи сюда весь торт!» Вот и я учил людей лишь пользоваться плодами крестной смерти Спасителя, не разъясняя им, для чего Он нам эти плоды оставил. Иными словами я, священник Михаил, по своему чину обязанный хоть в малой мере понимать замысел Творца и противостоять лукавому, напротив, клонул на его приманку и увлёк за собою остальных»...

Он снова взглянул на распятие.

«Господи, как же я прозевал в жизни самое главное? Её сердцевину!»

Опустился на колени.

«Да-да, две тысячи лет назад Ты стоял перед тем же выбором, перед каким оказался сейчас я.

Оставить этих больных и похотливых злодеев на произвол

судьбы, чтобы они в конце концов превратились в стадо скотов и перегрызли друг другу глотки; или... нести им земной и Небесный хлеб, дающие жизнь... Ты обливался кровавым потом, когда просил Отца: «Да минует Меня Чаша сия...» Ибо Ты знал — и знал наверняка! — что стоит Тебе в эту тёмную рощу войти и начать им проповедовать, как они Тебя тут же растерзают! А дары Твои поделят меж собой и сожрут!.. И всё же Ты свой выбор сделал! Боже Иисусе, — он заплакал, — Ты сделал его, потому что не мог поступить иначе! Ибо не просто не желал этим бедолагам страдания и смерти; главное — Ты не мог вынести их неведения, незнания счастья, неизмеримо более высокого, чем поглощение запечённых кур!.. И даже когда Тебя истязали, Ты терпел ради них жесточайшие муки! Чего стоят одни только металлические крючья, раздирающие Твою плоть!»

Отец Михаил зажмурился.

«А я... даже не мук испугался. Какие там муки? Хлоп из ружья, и всё... Я не пошёл за Тобой, боясь потерять именно земной рай. И оказался в числе тех, кто Тебя бичевал! Даже не подозревая этого...»

Он взглянул в окно и сквозь наступивший вечерний сумрак увидел тёмный силуэт сосновой рощи, откуда только что вышел.

«А что если дело не в жалости рыжего, и они отпустили меня с надеждой на то, что я их

не обману? А я в ответ не просто не вернусь, но и натравлю на них милицию. В результате чего окончательно добью их больные души. Ибо если они потеряют веру в слово священника — быть может, последний огонёк их угасающих душ, — то мир для них станет ещё большим средоточием злобы, вранья и разгула страстей. И что-либо изменить после этого в их сердцах станет практически невозможным. Я просто пошлю их в ад. То есть сотворю дело, прямо противоположное цели Христа!.. Как же так случилось, что я понял это только сейчас?»

Отец Михаил вытер ладонью слёзы с лица. С минуту стоял на коленях, уставившись в пол...

«Да, я сознаю, — он покачал головой, — что для меня там всё может кончиться плачевно: свидетели им не нужны... И всё же пока не грянет возможный выстрел, я успею сказать им о Любви — о подлинной, сострадательной, жертвенной Любви, ради которой к нам, убийцам и блудникам, приходил Спаситель. О том, что кроме этой милосердной Любви, дающей высшее счастье, человеку жить на Земле незачем...»

Он поднялся с колен, открыл кладовку, достал оттуда довольно большую сумку, в которой носил с собой облачение, и положил в неё запечённую курицу. Затем взял из хлебницы батон, из холодильника — несколько сарделек, яиц и две пачки творожной

массы. Открыл аптечку и вынул оттуда упаковку аспирина, моток бинта и пузырёк йода. Всё это аккуратно сложил в сумку и вышел в прихожую. Надел куртку, ботинки. Снял с вешалки свой старый потрёпанный бушлат, в котором обычно копался в огороде.

«Подойдёт ли им по размеру? — прикинул он. — Впрочем, выбора нет».

Накинул его себе на плечи и открыл входную дверь.

— Папа, ты уходишь?

Отец Михаил резко обернулся.

«Господи, укрепи меня...»

— Мне надо, Павлик... Иди, спи.

— А когда ты вернёшься? Ты ведь обещал утром сводить меня в рощу, показать дятла...

Отец Михаил опустил голову.

«Вот и его душу я губил всю жизнь...»

— Знаешь, сынок, — он замялся, — мы обязательно сходим с тобой в лес. И дятла увидим, и синиц послушаем... Только пойдём мы туда не с пустыми руками. А наберём целый рюкзак пшена и хлеба... А к следующей весне соорудим несколько скворечников, чтобы пернатым было где растить своих птенчиков... Хорошо?

И он посмотрел Павлику в глаза. Тот стоял в глубоком раздумье.

Отец Михаил немного помедлил... затем взял сумку, вышел из квартиры и захлопнул за собой дверь...